(cc) BY

Грибоедова Оксана Ивановна

педагог-психолог

МБУ ДО МО Плавский район «Центр психолого-педагогической,

медицинской и социальной помощи «Доверие»

г. Плавск, Тульская область

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА: ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ СЕМЬИ «ШКОЛЬНЫХ СТРЕЛКОВ»

Аннотация*: в статье приведен опыт американских ученых по изучению психологических особенностей «школьных стрелков» и их семей и сделана попытка обобщения психологических особенностей и социологических данных о семьях несовершеннолетних подростков, совершивших вооруженные нападения на учебные заведения России с 2014 по 2022 год. Автором обнаружено, что большинство семей этой группы подростков внешне благополучны, не стоят на учете социальных служб, являются неполными, имеют особенности родителей и детско-родительского взаимодействия, дома имеется оружие. Замечены родительские иллюзии относительно нарушений характера вместо осознания наличия расстройства поведения, закрытость семьи от общества в плане демонстрации особенностей ребенка.*

Ключевые слова*: подросток, скул-шутинг, особенности семьи.*

Проблема современной семьи и ее поддержки и сопровождения имеет много аспектов. Актуальным для современной жизни стали размышления и исследования ученых и практиков, посвященные анализу психологических особенностей несовершеннолетних подростков, совершивших вооруженные нападения на учебные заведения и исследования факторов формирования данного типа деликвентного поведения, в том числе семейный фактор.

Откуда берутся школьные стрелки, в каких условиях формируется их личность, каковы причины их деликвентного поведения и есть ли что-то, что объединяет их семьи и способствует появлению данного типа поведения?

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

До 2014 года в системе образования не было острой необходимости осмысливать причины и факторы вооруженных нападений школьников в образовательных учреждениях, потому что этих случаев в нашей стране не было. School shooting из-за большого количества прецедентов изучался в Соединенных Штатах Америки, в связи с чем, на данный момент именно нашими американскими коллегами собран большой научный и практический материал о факторах и условиях этого вида деликвентного поведения подростков и юношества. И этот опыт изучения проблемы нам очень важно знать и учитывать в современных реалиях нашей жизни.

Так, согласно исследованиям зарубежных ученых, к факторам, лежащим в основе стрельбы в школе, относятся: семейная дисфункция, отсутствие надзора со стороны семьи, свободный доступ к огнестрельному оружию и психические заболевания, а также многие другие психологические проблемы.

А среди основных мотивов нападавших в американских учебных заведениях учеными выделены: месть из-за издевательств / преследований / угроз как попытка решить проблему – 75%, самоубийство или депрессия (27%), поиск внимания или признания (24%).

Благодаря многолетним исследованиям (37 случаев стрельб в школах, в которых участвовал 41 человек с декабря 1974 года по май 2000 года) американские ученые составили портрет School-шутинга. Это:

– одинокие / отчужденные, неловкие, неуклюжие люди мужского пола, имеющие доступ к оружию;

– склонны изолироваться;

– подвергающиеся буллингу;

– «коллекционеры несправедливости», явно выраженные признаки параноидальной шизофрении или депрессии;

– двоечниками или прогульщиками были немногие – лишь 5% нападавших, и только единицы были исключены из школы;

– не все скулшутеры – отвергнутые одиночки, но все они чувствовали себя несправедливо обиженными и недооцененными;

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

– желание отомстить всему миру, а школа – модель всего общества, на которой они вымещали агрессию;

– многие психологи, в т. ч. австралийский судебный психиатр Пол Маллен, считают, что путь к подобному преступлению является достаточно стереотипным. Большинство стрелков имели грандиозные представления о своей личности и не могли их умерить даже после суда. Однако в реальной жизни им практически никогда не удавалось добиться успеха на работе или в межличностных отношениях;

– убеждены, что единственным объяснением личных неудач является саботаж со стороны окружающих, винят в своих проблемах других. Они могли выглядеть активными и общительными, но на самом деле были в депрессии и испытывали давление общества;

– важным для понимания личности и поведения скулшуттеров представляется мнение ученых о наличии у большинства из них одного из признаков нарцисизма как расстройства личности – нарциссизма, проявляющегося как осознание собственной исключительности и «права» творить то, что не позволено другим. Грандиозность может выступать защитой от осознания чувства собственной никчемности и стыда. Эту психопатологию отличает крайне низкая склонность к эмпатии (сопереживанию чувствам других), жестокость и манипулятивность. Исследования ученых – израилитян выявили высокие показатели у скулшутеров по шкалам «униженность» и «мстительность». Подобный разрыв между неадекватной самооценкой и действительностью ведет к маниакальному накоплению обиды и жажде мести всем представителям отвергнувшего их сообщества ради того, что они считают «справедливостью».

В эссе 2015 году Дэйв Каллен описывает подгруппу известных школьных стрелков (и других массовых убийц) как «коллекционеры несправедливости» или люди, которые «никогда не забывают, никогда не прощают [и] никогда не отпускают», прежде чем они начнут действовать.

Грант Дуве, директор по вопросам исследований в Департаменте исправительных учреждений штата Миннесота, проанализировал 160 случаев массовых

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

убийств в США с 1915 по 2013 гг. Согласно его исследованиям, у 60% преступников накануне стрельбы были явно выраженные признаки параноидальной шизофрении или депрессии.

Финские и норвежские ученые выявили связь между издевательствами в школе и скулшутингом (2017). Исследование проводилось на основе интервью с людьми из 12 стран мира. Ученые выяснили, что тема буллинга неизменно объединяет рассказы о скулшутинге. Целенаправленные школьные расстрелы, происходящие, например, в контексте вражды, были примерно в три раза чаще, чем те, которые казались неизбирательными.

Зарубежные ученые, анализируя особенности семей несовершеннолетних преступников, совершивших вооруженные нападения на учебные заведения, выявили, что преступники были из семей разного типа.

Практически во всех случаях стрелки или были изолированы от сверстников в детстве, или росли в дисфункциональных семьях, это и вело к проблемам в социализации в школе. Все они отличались упрямством и подозрительностью, что еще больше усугубляло ситуацию социального отторжения.

Стрелки мечтают испытать чувство контроля и доминирования, стремятся к славе – и им все равно, что они станут известны миру как монстры.

Особые результаты изучения проблемы были связаны с тем, что доступность огнестрельного оружия напрямую влияет на вероятность начала стрельбы в школе. Это подтверждают и данные десятилетнего анализа случаев школьной стрельбы Национального центра анализа насильственных преступлений США. Они показывают, что 74% стрелков получили оружие из дома или дома родственника.

Определено, что наличие оружия дома увеличивает шансы на возникновения у ребенка идей о силовых способах решения проблемы. Однако, чрезмерная вовлеченность ребенка в оружейную тематику часто нравится родителям мальчиков. Увы, часто мы имеет дело с иллюзиями родителей: они видят интерес там, где болезненная вовлеченность в тематику как расстройство поведения.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Американскими учеными выделены особенности детско-родительского взаимодействия в семьях школьных стрелков, совершивших нападения. Это:

– нарушения в системе родительских требований: родители в этих семьях не устанавливают ограничений на поведение ребенка и регулярно уступают его требованиям;

– отсутствие доверительности в отношениях: подросток закрыт, настаивает на чрезмерной конфиденциальности, а родители мало знают о его действиях, школьной жизни, друзьях и проблемах;

– страх применить воспитательное действие к ребенку: родители часто напуганы своим ребенком, они бояться его физической агрессии в случаях, если они будут противостоять ему или расстраивать его, склонность родителей избегать эмоциональных взрывов ребенка или нежелание своим твердым поведением или отказами и требованиями вызывать у сына или дочери эмоциональный кризис;

– смена ролей «родитель – ребенок»: традиционные семейные роли меняются местами: например, ребенок действует так, как если бы он был авторитетной фигурой, а родители – как если бы они были детьми;

– отсутствие родительского контроля за интернет-поведением ребенка, отсутствие ограничений на просмотр ТВ и пользование интернетом и низкая цифровая компетентность родителя: чаще всего ребенок имел телевизор и интернет в своей комнате без каких-либо ограничений и проводил столько времени, сколько ему нравится за просмотром жестоких игр, видео и шоу, связанных с насилием и оружием. Это шло в ущерб общения с семьей или друзьями. Хотя доказано, что прямой связи между жестокими видеоиграми и стрельбой в школах нет. Кристофер Фергюсон 2008 год: увлечение компьютерными играми не коррелирует с актами серьезной агрессии и насилия. Все многофакторно и может лишь быть одной гранью.

Даниэль Шехтер, клинический психиатр, писал, что школьные стрелки не обязательно происходят от «плохих» родителей. Не больше, чем они могли

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

исходить от внимательных, образованных, небрежных, холостых, женатых, жестоких или любящих родителей.

Все американские случаи объединяет: изоляция от сверстников в детстве по разным причинам, формирование в дисфункциональных семьях и появление проблем социализации

И, безусловно, важным для изучения вопросом в США стало выявление потенциальных школьных стрелков. ФБР даже составило Руководство «Школьный стрелок: перспектива оценки угроз». Думаю, при желании, каждый из нас найдет его и изучит опыт коллег. В презентации – ссылка на англоязычный вариант Руководства.

А что же у нас?

В России накоплен опыт анализа психологических характеристик несовершеннолетнего преступника в целом. Так, в исследовании, проведенном в 2019 году в Университете прокуратуры России составлен портрет типичного несовершеннолетнего преступника. Типичными психологическими чертами несовершеннолетних преступников являются: социальная дезадаптация, повышенная внушаемость, оппозиционное отношение к запретам и предписаниям, искаженное представление о социально одобряемых ценностях (смелость, дружба, солидарность, взаимовыручка), стремление к быстрому удовлетворению возникающих потребностей любыми способами, обостренное чувство независимости, негативизм, эгоизм, ограниченность круга интересов, сниженная способность к эмпатии, игнорирование потребностей и интересов окружающих.

В этом же исследовании на основе статистических данных разных регионов выявлено, что:

– почти половина несовершеннолетних, совершивших преступления в 2019 году, воспитывались в семье с одним родителем (45,9%), и почти 10% – вне семьи;

– от взрослых правонарушителей несовершеннолетних отличает значительно более высокая доля групповых преступлений;

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

– каждый девятый несовершеннолетний в России совершает преступление в состоянии алкогольного опьянения;

– 83,1% несовершеннолетних в 2019 году совершили преступления против собственности, 7,6% – против жизни и здоровья, 4,4% – преступления, связанные с оборотом наркотиков;

– отдельных данных с анализом преступлений со стрельбой в учебных заведениях не представлено.

Анализируя семьи несовершеннолетних преступников, современные исследователи опираются на базу разработок, сделанных советскими учеными в конце 20 века. Так, до сих пор популярна в использовании типология семей, в которых воспитываются несовершеннолетние преступники, предложенная криминологом, профессором Г.М. Миньковским в 1982 году. Согласно которой все семьи несовершеннолетних правонарушителей можно разделить на:

1) воспитательно сильная;

2) воспитательно устойчивая;

3) воспитательно неустойчивая;

4) воспитательно слабая с утратой контактов с детьми и контроля над ними;

5) воспитательно слабая с постоянно конфликтной атмосферой;

6) воспитательно слабая с агрессивно негативной атмосферой;

7) маргинальная: с алкогольной, сексуальной деморализацией и т. д.;

8) правонарушительская;

9) преступная;

10) психически отягощенная.

Существуют классификации семей «группы риска», в которой заложены векторные направления помощи этим семьям. Это классификация неблагополучных семей, предложенная профессором Е.С. Жигаревым в 1990 году, согласно которой семья делятся на педагогически несостоятельные (цель – помочь в повышении родительской/воспитательской/ психолого-педагогической компетентности семьи), конфликтные (цель – помочь в разрешении конфликтов между родителями), аморальные и ассоциальные (трудные для коррекции, так как нет

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

государственных центров психологической и психотерапевтической помощи взрослым).

Достаточно интересной для понимания особенностей этих семей является типология криминогенных семей А.И. Лебедевой, предложенная в диссертационном исследовании в 2000 году. К таким семьям отнесены:

– *отвергающие* – семьи, в которых ребенок лишен родительского тепла;

– *доминирующие* – в семье воля ребенка подавляется родителями, подросток чувствует себя в такой семье угнетенным и стремится уйти из нее;

– *безнравственные* – низкая нравственность в семье, находящая выражение в совершении ее членами правонарушений и аморальных поступков;

– *структурно-неполноценные* – неполная семья;

– *структурно-искаженные* – присутствие в семье отчима (сожителя), реже – мачехи (сожительницы);

– *материально необеспеченные* – низкое материальное обеспечение семьи, что может порождать многочисленные конфликты, пьянство и алкоголизацию, чрезмерную загруженность родителей работой, что мешает им воспитывать детей.

Исследование влияния семьи на преступность несовершеннолетних в начале XXI века провели отечественные ученые В.А. Лелеков и Е.В. Кошелева. Ими приведены результаты социологического изучения родительских семей 1758 несовершеннолетних, совершивших преступление в 2003–2004 годах в 18 субъектах Центрального федерального округа Российской Федерации (ЦФО). Выявлено:

– у несовершеннолетних преступников отсутствие одного из родителей фиксировалось значительно чаще (в 2 раза), чем у подростков, преступлений не совершавших;

– в семьях девиантов (в первую очередь, правонарушителей) отсутствует эмоциональный контакт ребенка с обоими родителями или с одним из них, в случае с мальчиками – с отцом (примерно 75% от всех изученных семей);

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

– значительное снижение уровня взаимопонимания между самими родителями (60% семей);

– в семьях за 20 лет возросли излишняя требовательность, безразличие и сократилась чрезмерная доброта к детям, что свидетельствует об ухудшении микроклимата в семьях;

– 34,5% подростков, совершивших преступление, считают обстановку в семье неблагоприятной.

Новые случаи требуют новых исследований… По данным советника министра внутренних дел России, генерал-майора Владимира Овчинского, на сегодняшний день в России известно о более чем 20 нападениях на учебные заведения страны. За 8 лет. Немало.

Что же объединяет российских школьных стрелков?

Нами проанализированы особенности поведения и выявленные психологические особенности и статистические данные российских «школьных стрелков». Их объединяют: ненависть, нарушенная социализация – выключенность из общества в разной степени, нереализованность, неудовлетворенность жизнью («Всё достало!»), признаки расстройства личности, месть обидчикам и миру, особые отношения с собой и будущим (отсутствие смысла жить дальше) и в некоторых случаях (не массово) одиночество.

Полноценный анализ семейных факторов формирования личности русских школьных стрелков и бойцов еще впереди. Посттравматизация участников и их окружения идет и сейчас, что осложняет объективный анализ произошедшего. Однако, даже та информация о семьях, родителях, детско-родительском взаимодействии и семейных событий преступников, совершивших вооруженные нападения в учебных заведениях, которая стала доступна в СМИ благодаря интервью и опросов соседей, друзей и учителей, дает возможность увидеть некоторые особенности.

Автором статьи была проанализирована вся доступная в СМИ информация о семьях российских «школьных стрелков» (интервью участников случаев, соседей, педагогов, психологов, силовых ведомств и др.). Первичный анализ случаев

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2014–2022 гг. по вопросу «Что же объединяет эти семьи?» дал следующие результаты:

– благополучные семьи с точки зрения общества, не стоят на учете соцслужб в большинстве из них родители находятся в разводе, неполные семьи;

– имеются особенности личности родителей;

– воспитание ребенка с нарушением психического здоровья: родительские иллюзии нарушений характера или закрытость семьи от общества в плане демонстрации особенностей ребенка;

– в единичных случаях обращения к психиатру по поводу суицидальных мыслей ребенка;

– особые отношения мальчиков с отцами: месть за издевательства и ссоры с матерью, желание отцов «сделать из сына мужика» (обучение стрельбе, покупка оружия);

– родители не знали или не придали значение нарушениям отношений ребенка со сверстниками.

Безусловно, более масштабные исследования данного вопроса еще впереди. Однако, даже этот анализ может дать нам понимание, необходимое для разработки стратегии предотвращения подобных случаев.

Особенно важным вопросом нам представляется: *ненависть: откуда она?* Ведь абсолютно все российские «школьные стрелки» говорили и писали о наличии у них ненависти к окружающим, к себе, к миру. Что это? Ненависть к людям как симптом расстройства личности или заболевания ребенка? (свойственна шизофрении и другим психиатрическим заболеваниям). Ненависть к себе как глубинное обвинение себя в невозможности вписаться в общество? (почти все подростки были с нормой интеллектуального развития, но врожденными нарушениями психического здоровья, что не позволяло им вписаться в мир также, как другие и могло болезненно осознаваться ими с поиском виноватых – себя, окружающих, семью…). Особые отношения в семье ребенка к обществу? (В памяти всплывает 12-летний парень, который рассказал дяде о травле в школе и спросил совета, тот ответил, что таких «сжигать надо». И через два дня парень забросил

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

в несколько аудиторий коктейли Молотова). Нерешаемая жизненная неудовлетворенность как проблема семьи? (Однако, вопрос – почему не все неудовлетворенные жизнью семьи продуцируют школьных стрелков и несовершеннолетних правонарушителей).

Много вопросов остается нерешенными… Тем важнее, не останавливаться в изучении данной проблемы.

По итогу проведенной аналитической работы автор статьи ставит «Вопросы для размышления», которые важно продолжать осмысливать и изучать:

– В семье пермского стрелка были замечательные доверительные отношения с матерью. Почему это не помогло избежать беды?

– В каких случаях буллинг приводит к желанию убивать? Известно, что большинство людей, над которыми издеваются, не становятся убийцами, а многие школьные стрелки не подвергались буллингу.

– Поможет ли знание родителем о психических отклонениях (заболеваниях) своего ребенка уберечь его от деликвентного поведения?

– Можно ли обнаружить потенциального стрелка? Какова в этом роль своевременной психиатрической диагностики и возможна ли она?

– Возможно ли вообще гармоничное родительское воспитание ребенка с врожденными нарушениями психического здоровья?

Кроме анализа особенностей семей несовершеннолетних преступников, совершивших вооруженные нападения на учебные заведения, считаем важным выделить условия для формирования психологического благополучия семьи.

Из собственного опыта, с опорой на науку и опыт отечественных и зарубежных ученых, автору представляется, что значительно приблизит родителей к психологически благополучной семье следующее: знание и понимание особенностей своего ребенка; внимание к индивидуальным и возрастным изменениям поведения своего ребенка; готовность обратиться за помощью к педагогам, психологам, врачам, соцслужбам и юридическим органам; психологически комфортная атмосфера в семье, ощущение ребенком своей нужности; эмоциональная близость и доверительный контакт с ребенком; адекватный контроль за жизнью

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ребенка; владение родителями эффективными способами решения собственных трудностей; отсутствие доступа ребенка к оружию; знание интересов ребенка, своевременное расширение его интересов через введение альтернативных способов реализации себя; стремление к повышению психолого-педагогической компетентности родителя в вопросах воспитания.

И я продолжаю мечтать, уважаемые коллеги, и продолжаю работать по сохранению психологического здоровья детей и подростков, надеясь на достижения нашей науки и практики, которые обязательно помогут уменьшению таких случаев в наших российских школах!

Список литературы

1. Жигарев Е.С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания: учеб пособие / Е.С. Жигарев. – М.: МВШ МВД СССР, 1990. – С. 32.

2. Лебедева А.И. Семья несовершеннолетнего правонарушителя как объект профилактики преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Лебедева. – М., 2000. – С. 64–65.

3. Лелеков В.А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева // Социологические исследования. – 2006. – №1. – С. 103–113.

4. Миньковский Г.М. Неблагополучная семья и противоправное поведение подростков / Г.М. Миньковский // Социологические исследования. – 1982. – №2. – С. 106.

5. Лебедева А.И. Семья несовершеннолетнего правонарушителя как объект профилактики преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Лебедева. – М., 2000. – С. 64–65.

6. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья конфликт преступление / Д.А. Шестаков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 58.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)